

РАСНАЯ НОВЬ <sup>3</sup>

ЛITERАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ  
НАУЧНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ

ЖУРНАЛ

IV <sup>11</sup>/<sub>5</sub>

~~89~~

1929

КНИГА

ШЕСТАЯ

ИЮНЬ



ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

8130

# СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Скиталец. Дом Черновых (отрывки из романа) . . . . .	3
Александр Перегудов. Фарфоровый город—роман (продолжение) . . . . .	29
А. Сотсков. Троглодиты—рассказ . . . . .	
С. Подьячев. Моя жизнь (продолжение) . . . . .	
—————	
Владимир Луговской. „Волчий вой“, „Ночь“ — стихи . . . . .	
Сергей Алымов. Рассвет со стороны Китай-города—стихи . . . . .	
Константин Липскеров. Красная Поляна—стихи . . . . .	

# РАСНАЯ НОВЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ  
И НАУЧНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

802-11  
99

№ 6

И Ю Н Ъ



XXIX-38.  
17.3188.

пр. 31/2-35г. М.



ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО  
МОСКВА 1929 ЛЕНИНГРАД

## Адам Мицкевич.

Роза Люксембург <sup>1)</sup>.

Если бы Польша в своей литературе не могла назвать ни одного имени, кроме того поэта, столетие рождения которого она чествует 24 декабря, то и тогда она была бы вправе занять в области мировой литературы почетное место наряду с культурнейшими нациями.

Адам Мицкевич — не только величайший поэт Польши и один из величайших поэтов мира: с его именем самым тесным образом связана национальная и духовная история Польши. Имя Мицкевича означает в Польше целую эпоху.

Хотя разделы Польши и поставили страну в совершенно новые политические условия, ее духовная и культурная жизнь в течение первых десятилетий текущего столетия все-таки составляла по существу продолжение последнего периода старой дворянской республики. Дворянство остается господствующим классом, вельможи (магнаты) остаются духовными руководителями общества, барщинное земледелие остается его материальной базой. Духовная и политическая жизнь еще сосредоточивается не в городах, а в деревне, в старых дворянских поместьях.

Для польских крупных землевладельцев и магнатов в провинциях, присоединенных к России, это был период большого благополучия. Сохранилось большинство старых учреждений, — в частности, в Литве, сохранилось крепостное право; все общественные должности были заняты поляками. «Общественное мнение, — заявляет один из современников, Каетан Козмян, — высказывалось в следующем смысле: в некоторых отношениях нам теперь лучше, чем при существовании Польши; у нас, по большей части, осталось то, что нам давало отечество, но вместе с тем мы освобождены от бремени и от опасности крестьянских восстаний; без Польши мы все-таки в Польше, и мы — поляки». Дворянские усадьбы так и остались центрами духовной и литературной жизни. Магнат все еще остается меценатом искусства; само же искусство, — и в особенности литература — все еще остается отчасти роскошью, развлечением ясно-вельможного дилетанта со шпагой или в рясе, отчасти формой придворной службы.

Понятно, что при подобном положении дел не наблюдалось особенного увлечения национальным прошлым. Главным мотивом, характерной чертой духовной жизни было, напротив, подражание иностранцам. В особенности наполеоновская Франция была тогда тем источником, из

которого черпала свое вдохновение тогдашняя Польша. Во Франции, однако, в те времена царил напудренный, ходульный ложноклассицизм, и в Польшу был принесен бледный отзвук его, отличительными чертами которого были прилизанная, вычурная, пустопорожняя форма и полное отсутствие индивидуальности, внутреннего чувства и глубокой мысли.

Однако в лоне этого общества с первого момента назревал перелом. Проведенная в 1807 г. Наполеоном в великом княжестве Варшавском отмена крепостного права (без урегулирования барщины и отношений собственности в земледелии), введение гражданского кодекса, основание мануфактурной промышленности, переворот в сельском хозяйстве (переход к многопольной системе), новая бюрократическая система администрации, сильное повышение налогов и система фискальных монополий, — все это были элементы брожения, которые действовали в лоне общества и подготавливали почву для новых классовых боев. В то время, как магнаты, державшие в своих руках всю административную власть, и тогдашние представители капитала были верны существующему режиму, т. е. России, в массах мелкопоместного дворянства кипели оппозиционные стремления, которые, естественно, должны были принять национальный характер, ища своего идеала в прошлом. Назревало восстание 1831 г.

Одновременно с этим изменялись и условия духовной жизни. После разрушения старых жизненных форм мелкопоместное дворянство принуждено было искать новых путей. Новая бюрократическая система требовала специального образования; школа, журналистика приобретают для дворянства новое значение; в Польше возникает новый общественный слой — дворянская интеллигенция. Она занимается литературой уже не ради развлечения и не для придворной карьеры, как это делалось в кругу магнатов, а создает из литературы профессию. Сообразно различию в экономических и политических условиях и в стремлениях обоих слоев «благородного» общества идейное течение, представленное мелкодворянской интеллигенцией, носило совершенно иной характер. Если официальная литература господствующей аристократии питалась ложноклассическими мотивами Франции, то оппозиционная литература низшего дворянства апеллировала к национальным мотивам; если классическая литература прославляла настоящее, то национальная обратилась к прошлому, которое она видела в мистических красках, и нашла себе адекватную форму и образец в немецкой романтике.

Классицизм и романтизм — таковы были перенесенные в сферу искусства противоречия, которые сталкивались в экономике и политике и вскоре после этого вылились в лязг стали и треск выстрелов в повстанческих боях. Но если на полях сражений при Грохо и на Праге победа досталась представителям господствовавшего порядка — русскому господству, — то в области духа эти силы потерпели поражение. В то время как «классики» сумели послать в бой лишь серую массу посредственностей, литературных ремесленников формы, романтизм изо дня в день вызвал к жизни из недр общества целую плеяду молодых, блестящих талантов, среди которых самым ярким огнем запылала звезда Адама Мицкевича.

Корифей и выразитель целого поколения, он был, сообразно тому направлению, которое он представлял, одновременно лириком и эпическим певцом, бардом национальной любви и тоски и в то же время объективным бытописателем национального прошлого.

Два главных произведения, которыми он создал себе нетленный памятник, — это «Поминки по усопшим» («Дзяды») и «Пан Тадеуш». Никогда, ни до того, ни после польская поэзия не говорила с такой силой чувства, глубиной ощущения, титанической отвагой духа, как в «Дзядях»,

<sup>1)</sup> Статья Розы Люксембург о Мицкевиче, извлечена из немецкой газеты «Лейпцигер Фольксцейтунг» от 24 декабря 1898 г. и на русском языке публикуется впервые.

где поэт в сознании мощи своего патриотизма вызывает на бой творца вселенной. И опять-таки никогда ни до этого, ни после старая дворянская Польша не была изображена в таких живых, сочных красках, как в поэме «Пан Тадеуш». В своей наивной скромности поэт думал создать нечто подобное поэме Гете «Герман и Доротея», которую он сначала и взял за образец. Это сравнение лишь может вызвать улыбку у осведомленного читателя, так как эпопея Гете так же мало может быть сравнена с «Паном Тадеушом», как, скажем, с «Илиадой». Напротив, произведение Мицкевича можно, без сомнения, поставить наряду с «Илиадой», хотя в нем есть нечто и от «Дон Кихота», ибо оно отражает в себе не пышущее здоровьем общество, развивающееся по восходящей линии и достигшее кульминационной точки своего развития, а напротив — общество разлагающееся, общество «погибающих». Поэтому наряду с мастерским объективизмом и классически спокойным тоном изложения мы видим здесь тонкий оттенок меланхолической иронии, сатирического и вместе с тем примиряющего юмора, словно озаряющего всю гигантскую картину розовыми лучами заходящего солнца.

Неудивительно, что выступление Мицкевича в поэзии подействовало на все польское общество как откровение. Тотчас же после его первых произведений, — в особенности после его великолепной «Оды к юности», в которой поэт с заражающим молодым энтузиазмом, в звучных, чеканных строфах зовет все свое поколение общими силами «толкнуть на новые пути заплесневелый земной шар», — он стал центром нового идейного движения, идолом, правда, только молодежи: но в руках молодежи находилось в тот момент кормило польской истории. Даже соседняя Россия находилась под таким обаянием его гения, что после его изгнания в Россию интеллигентные круги столиц носили его на руках, и он — особенно среди позднейших декабристов — приобрел себе много сердечных друзей.

Но в то время, как романтика прославляла прошлое, — действительность шла неуклонно своим путем, и этот путь все более удалялся от идеалов Мицкевича и его школы. Они поставили себе задачу, неудача которой была заранее предрешена историей. А так как реальная действительность наносила романтике все более сокрушительные удары, то последней оставалось только еще дальше бежать в мир фантазии, еще основательнее уничтожать действительность в мире фантазии. После разгрома национального движения необходимым логическим шагом от романтизма был мистицизм. Мицкевич, как и некоторые другие из его собратьев по Аполлону, кончил свой поэтический путь в пристани бесплодного, бестелесного религиозного мистицизма. Это было логическим исходом данного идейного направления, но вместе с тем и банкротством романтической поэзии как таковой. Вскоре после поражения восстания соловей польского национализма замолк, и приблизительно в течение двадцати последних лет своей жизни (он умер в 1855 г.) Мицкевич в области поэзии не дал уже ничего. «Пан Тадеуш» остался его последним доведенным до конца произведением.

Эта поэма была в то же время последним крупным памятником польского национализма. После второго разгрома (1863—1864 гг.) в Польше совершился переворот в области всей общественной жизни, вступлением к которому послужили упадок натурального хозяйства и появление крупной промышленности. Слово по мановению волшебного жезла, вся внутренняя и внешняя жизнь Польши изменилась до неузнаваемости. Польша настоящего имеет мало общего с той Польшей, в которой писал Мицкевич, и тем более — с той, которую он воспевал, — так же мало

общего, как и со всякой другой страной. Деревня, зеленые леса и луга, представлявшие собой «железный фонд» романтической поэзии, дворянство, доставлявшее ей действующих лиц, отошли на задний план. Современная Польша является буржуазной Польшей крупных городов. А сегодняшнее празднество открытия памятника Мицкевичу в Варшаве — памятника, воздвигнутого с «высочайшего» и «всемиловейшего» разрешения «самодержца всероссийского» историческим могильщиком польского национализма — польской буржуазией — в промышленной, денационализированной Варшаве, должно наглядно показать всему миру, что для официального польского общества, для буржуазии, дворянства, массы мелкой буржуазии — национализм стал окончательно романтикой, политика, стремящаяся к независимой Польше, — поэзией. В Вильне, где вырос, где пел и действовал Мицкевич, — стоит статуя Муравьева; в Варшаве, где русский царь только что был принят на коленях и чествуем польским обществом, — статуя Мицкевича. «Так кончил последний поэт национализма»... — вот какой эпилог, перефразирующий рефрен Мицкевича, прибавляет история к двенадцати книгам «Пана Тадеуша».

В современной Польше, где немецко-еврейско-польская буржуазия представляет собой самый интернациональный и антинациональный тип класса капиталистов, где аристократия отчасти обуржуазилась, отчасти опустилась на ступень умственного варварства, где мелкое дворянство отчасти превратилось в городскую мелкую буржуазию, отчасти обмужичилось, где крестьянство сведено на ступень, лежащую ниже культурного уровня, — сознательный промышленный пролетариат представляет собой тот единственный социальный слой, который заинтересован и способен стать на страже того, что было культурным завоеванием политически обанкротившегося национализма. Среди польских социалистов вошло в обычай извлекать из произведений Мицкевича во что бы то ни стало доказательства его социалистических взглядов. Мы считаем эти попытки бессмысленными и бесплодными. Ведь тот оттенок утопического социализма, который проявлялся у Мицкевича, был связан с тем роковым периодом его жизни, когда гений поэта уже был омрачен туманами религиозного мистицизма.

Сознательный пролетариат, по нашему мнению, дозрел духовно до того, чтобы любить и почитать великого поэта за его поэтический гений, и не нуждается в том, чтобы его подкупали неясными, мистическо-утопическими социальными воззрениями периода упадка Мицкевича как поэта. Класс, стремящийся обновить мир, такого тесного горизонта иметь не может. Правда, Мицкевич и в самый блестящий период своего творчества был искренним демократом, как это и соответствовало всей идеологии первого восстания; но представителем или предвестником современного рабочего класса он не был и быть не мог. Он был последним и величайшим певцом дворянского национализма, но как таковой вместе с тем и величайшим носителем и представителем польской национальной культуры. И как таковой он принадлежит теперь польскому рабочему классу, как таковой он делается его достоянием, только ему он и принадлежит по праву — как величайшее духовное наследие бывшей Польши. В Германии сознательный пролетариат является, по выражению Маркса, наследником классической философии. В Польше, вследствие другого стечения исторических обстоятельств, он является наследником романтической поэзии, а следовательно — и ее величайшего корифея, Адама Мицкевича.

*Фигнер Вера*, Полн. собр. соч., т. IV, Шлиссельбургские узники и Стихотворения, стр. 330, ц. 2 р. 50 к.

*Кропоткин П.*, Записки революционера, т. I, перевод с английского Дионео, предисловие Брандеса Георга, ред. и прим. Лебедева Н. К., стр. 407, ц. 3 р.

#### «КРАСНАЯ ГАЗЕТА».

*Степняк-Кравчинский С. М.*, Подпольная Россия. Приложение.

*Доброхотов Ф. П.*, Куда ехать туристу (Справочник), стр. 104, ц. 50 к.

*Ежегодник 1929 г.*, стр. 688, ц. 3 р. 50 к., пер. 1 р.

*Берман Л.*, Трамвай, роман, стр. 71, ц. 35 к.

*Степняк-Кравчинский С. М.*, Собр. соч., т. II, Домик на Волге, Сказка о копейке, Новообращенный, стр. 159 (приложение).

*Мандельс Л.* (д-р), Нервность и борьба с ней, стр. 39, ц. 15 к.

*Дубянская М.*, Всей ватагой, пионерский песенник, стр. 50, ц. 50 к.

*Шелавин К.*, Авангардные бои западноевропейского пролетариата, очерки германской революции 1918—1919 гг., стр. 292, ц. 1 р. 80 к.

*Шмидт П. Ю.* (профессор), Элементарная биология, книга 2-я, стр. 38, ц. 40 к.

«БОЛЬШАЯ СОВЕТСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ».

*Большая советская энциклопедия*, т. XIII, стр. 806.

#### «ТЕАКИНОПЕЧАТЬ».

*Всеволожский - Гернграсс*, История русского театра, т. I, предисловие и общая редакция Луначарского А. В., стр. 576, ц. 6 р.

#### «НЕДРА».

*Гофман, Э. Т. А.*, Собр. соч., т. I, Серапионовы братья, роман, перевод с немецкого под редакцией Вершининой З. А., стр. 341, ц. 2 р. 50 к.

#### «ЖИЗНЬ И ЗНАНИЕ».

*Попов А. С.*, Грибоедов в Персии—1818—1823 гг. (по новым документам), стр. 115, ц. 1 р. 50 к.

#### «АРП».

*Денисенко Н.*, Завещание мистера Гуча, стр. 95, ц. 55 к.

#### ПОПРАВКА.

По техническому недосмотру в № 5 «КРАСНОЙ НОВИ» в списке книг, полученных редакцией на отзыв, книги, выпущенные издательством «Московский рабочий»: 1) Платошкин М., «В дороге», роман, стр. 384, ц. 2 р. 25 к., 2) Ставский В., «Станица», кубанские очерки, стр. 199, ц. 95 к., 3) Алтаузен Джек, «Безусый энтузиаст», поэма, стр. 80, ц. 75 к. — ошибочно отнесены к издательству «Московское товарищество писателей».

Редакц. коллегия: **Вл. Васильевский.** Ответственный редактор: **Ф. Раскольников.**

**Б. Волин.**

**Вс. Иванов.**

**С. Канатчиков.**

**Ф. Раскольников.** Издатель: Государственное издательство.

Адрес редакции: Москва, Ильинка, Старопанский пер., 4, тел. 5-63-12.

## СОДЕРЖАНИЕ.

	Стр.
<i>Скиталец.</i> Дом Черновых (отрывки из романа) . . . . .	3
<i>Александр Перегудов.</i> Фарфоровый город — роман (продолжение) . . . . .	29
<i>А. Сотсков.</i> Троглодиты — рассказ . . . . .	78
<i>С. Подъячев.</i> Моя жизнь (продолжение) . . . . .	103
—	
<i>Владимир Луговской.</i> «Волчий вой», «Ночь» — стихи . . . . .	113
<i>Сергей Алымов.</i> Рассвет со стороны Китай-города — стихи . . . . .	118
<i>Константин Липскеров.</i> Красная Поляна — стихи . . . . .	120
—	
<i>Назыр.</i> Тревоги фашизма . . . . .	123
<i>Ф. Раскольников.</i> Либерал или черносотенец (по поводу воспоминаний Б. Н. Чичерина) . . . . .	130

#### За рубежом.

<i>Г. Гастов.</i> Поездка в Аравию . . . . .	133
--	-----

#### Литературные края.

<i>В. В. Воровский.</i> Неизданные литературные работы: «В кругу и вне круга» и «Ева и Джококонда» . . . . .	146
<i>Л. Авербах.</i> О культурной преемственности и пролетарской культуре . . . . .	166
<i>Юджин Лайонс (Eugene Lyons).</i> Литература торжествующей пошлости . . . . .	185
<i>Роза Люксембург.</i> Адам Мицкевич . . . . .	200

#### Критика и библиография

<i>А. М. Смирнов-Кутаческий.</i> Воинствующий художник (М. Кольцов. Собрание сочинений) . . . . .	204
Рецензии: <i>Федор Иванов.</i> — Ю. Либединский «Поворот». <i>С. Намов.</i> — Я. Шведов «Юр-Базар», <i>Виктор Красильников.</i> — Д. Четвериков «Солнечные рассказы», <i>Н. Фельдман.</i> — Танисаки Сэйдзи «Гейша Эйко», <i>Г. Федосеев.</i> — Г. Рыклин «С подлинным верно», <i>М. Храпченко.</i> — Голос рабочего читателя. <i>В. Буш.</i> — Чехихин-Ветринский «Глеб Иванович Успенский» . . . . .	207

Новое начинание в области изучения читателя (от кабинета по изучению читателя художественной литературы) . . . . .	216
--	-----

Список книг, поступивших в редакцию на отзыв . . . . .	218
--	-----